

ИСТОРИЯ

Ефимов Василий Федорович

1923 года рождения. В РККА призван по комсомольскому набору в 1940 году из 10-го класса. Страна готовилась к обороне от возможного агрессора.

Начинал службу курсантом Кременчугской военно-летной школы. Служил авиамехаником. За военную доблесть награжден двумя орденами «Красной звезды» и медалями.

После демобилизации из армии в 1950 году окончил среднюю школу и ВЮЗИ.

Работал судьей в Троицком и Беляевском суде Одесской области, а затем в Приморском районном суде г. Одессы.

По состоянию здоровья в 1971г. ушел с судебной работы и был принят членом нашей коллегии. Начинал адвокатскую деятельность в 1-ой ЮК Жовтневого района г.Одессы. С 1977г. до окончания адвокатской деятельности работал в Малиновской ЮК г.Одессы. Избирался членом президиума коллегии. Был заведующим ЮК.

В нашей памяти остался как человек, бескорыстно передававший свой опыт и знания коллегам.

Прекратил свою адвокатскую деятельность в 1995 г.

Войцеховский Николай Петрович

1924 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. На фронте с 1942г. после окончания Подольского артиллерийского училища. Минометчик, командир батареи. Награжден орденом «Красной звезды» и медалью «За отвагу».

Окончил двухгодичную юридическую школу в 1950г. и Всесоюзный юридический заочный институт в 1955г.

В нашу коллегию был принят в 1963г. До этого работал заместителем председателя Одесского облсуда (по уголовным делам).

В 1965г. назначен заведующим Ильичевской ЮК. Избирался членом президиума и заместителем председателя коллегии (1970г.). По распределению обязанностей среди членов президиума осуществлял контроль за правильностью взимания гонорара адвокатами коллегии, а также за качеством их работы.

С 1967г. читал лекции в Одесском государственном университете и в Гидрометеорологическом институте. Активно занимался адвокатской практикой. Преимущественно осуществлял защиту по уголовным делам.

С 1974г. заведовал 1-ой Жовтневой ЮК, где проявил себя как умелый организатор, в связи с чем был награжден грамотой Министерства юстиции Украины.

Прекратил адвокатскую деятельность в 1986году.

Еселевский Михаил Яковлевич

1914 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. На фронте с 1943 по 1945гг. Артиллерист, командир минометной батареи. Награжден орденом «Красной звезды» и медалями.

В 1935 г. поступил в Харьковский юридический институт (тогда им. Кагановича), который окончил в 1939г., после чего в течение 6-ти месяцев был следователем НКВД

В Одесской коллегии адвокатов с января по март 1940г.

Восстановился в коллегии после демобилизации, в 1946 г. Инвалид ВОВ

Имел непререкаемый авторитет среди членов коллегии из-за своих профессиональных знаний и человеческой порядочности. В лицо мог сказать любому адвокату все, что он о нем думает и дать беспощадную характеристику действиям адвоката, если последний поступал нечестно или неэтично по отношению к коллегам или клиентам. Часто привлекался к разрешению конфликтов, возникающих между адвокатами, в качестве третейского судьи. Из-за мудрых «соломоновых» решений среди адвокатов именовался как «ребе».

В основном занимался ведением уголовных дел, в работе по которым проявил себя как квалифицированный, умный и добросовестный специалист.

В 1976г. прекратил свое членство в коллегии в связи с уходом на пенсию, в начале 80-х эмигрировал в США

Рожков Афанасий Фотиевич

1923 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. В 1941г. был зачислен курсантом военно-морского училища. В том же году курсанты училища были отправлены на фронт. Служил в пехоте. В 1942г. ранен. Награжден орденом «Красной звезды», двумя медалями «За отвагу».

Будучи зрелым человеком, в 1960г. поступил на отделение юридического факультета Пермского государственного университета, который окончил в 1965г., после окончания которого работал в органах прокуратуры.

В 1973г. был принят в коллегиию адвокатов. Работал в течение 15 лет в Балтской ЮК. Прекратил членство в коллегии в 1988г. в связи с уходом на пенсию.

Курдыбаха Борис Андреевич

1921 года рождения. На фронтах Великой Отечественной с июня 1942г. по октябрь 1944г. Пехотинец. Рядовой. Награжден орденами «Отечественной войны», медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и другими. Победу в войне, в связи с ранением встретил в госпитале.

В 1948 году окончил с отличием двухгодичную юридическую школу.

Работал госисполнителем, ревизором облуправления юстиции. Работу в адвокатуре начал 1949г. в Балтской Юрконсультации, затем был переведен в Жовтневую ЮК г.Одессы.

Несмотря на отсутствие высшего юридического образования, занимался ведением уголовных дел, хорошо знал судебную практику, защиту по делам вел качественно.

К числу наиболее значимых уголовных дел, защиту по которым осуществлял Борис Андреевич, относится т.н. «Измаильское рыбное дело 1973г».

Благодаря слаженной работе защитников, действия их подзащитных по делу были перекавалифицированы, за счет уменьшения объема похищенного с хищения в особо крупных размерах, (санкция статьи предусматривала и смертную казнь) на хищение в крупных размерах. Теперь таких дел в производстве судов нет.

Прекратил членство в коллегии в связи с уходом на пенсию в 1993г.

Чалык Марк Ильич

1923 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. На фронте с 1942г.

В 1953г. окончил юридический факультет Львовского государственного университета.

В 1957г. стал членом коллегии. Был направлен на работу в Раздельнянскую ЮК, где проработал до 1964г., после чего был переведен на работу в Центральную ЮК г.Одессы.

Работая адвокатом Раздельнянской ЮК, осуществлял защиту одного из подсудимых по делу иеговистов (1961год). Подобные процессы в те времена всегда носили политический характер, что было чревато негативными последствиями не только для подсудимых, но и для адвокатов.

Поскольку, при защите адвокаты имели неосторожность не согласиться с позицией обвинения, то все адвокаты, принимавшие участие в этом деле «схлопотали» частное определение.

Политическим просвещением «строптивных» занимался президиум коллегии и дисциплинарное дело «спустили на тормозах», а до «вылета из коллегии» почти ничего не оставалось.

Марк Ильич был одним из немногих юристов в г.Одессе, которые вели дела по спорам изобретателей и рационализаторов. Кусок хлеба был неблагодарный, т.к. дела эти были явно убыточны для адвокатов, но Марк Ильич честно «нес свой крест». Он любил и знал юридическую работу. Притом отлично разбирался как с ведением уголовных, так и гражданских дел.

Прекратил членство в коллегии в 1997г. в связи с уходом на пенсию и последующим выездом в США.

* * * * *

Ошибки наши тяжкие ...

МОЯ ПЕРВАЯ ОШИБКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ

В 1985 либо в 1986 г. я был направлен на курсы повышения квалификации в г. Харьков. Это были постоянно действующие курсы, организованные Минюстом.

Лекции нам читали преподаватели юридического института им. Ф.Э. Дзержинского (ныне Харьковская юридическая академия им. Ярослава Мудрого) и практические работники, в том числе, и члены Харьковской областной коллегии адвокатов.

Так уж получилось, что после одного из семинаров я и мой коллега из Львова были приглашены на встречу несколько адвокатов г. Харькова. Мне повезло. В одном из ресторанов города, после пристойного обеда (без спиртного) пригласившие нас коллеги (5-6 чел.), которые составляли неформальный адвокатский клуб, стали рассказывать по очереди об ошибках допущенных ими при ведении защиты по уголовным делам. Оказывается, мы были приглашены на тематический вечер, именуемый «вечером ошибок».

Для меня это было неожиданностью, так как такого критического и самокритичного «разбора полетов» между коллегами я не видел и, к глубокому сожалению, уже не увижу и не услышу. А жаль. Молодцы харьковчане.

Надо было держать марку и я со своим львовским коллегой по очереди поведали и о своих ошибках.

Конечно, рассказывать я мог долго (т.е. немеряно), но я ограничился рассказом о моей первой ошибке, допущенной на первом году моей работы в адвокатуре (Раздельнянской ЮК).

Первая ошибка в адвокатуре запомнится навсегда, в отличие от последующих. Я помню это дело во всех деталях до сих пор. И до сих пор мне мучительно больно за допущенный мною промах, за который ответил мой подзащитный.

Подзащитный всегда отвечает за ошибки его защитника.

Фабула дела была предельно простой и часто встречаемой в винных районах нашей области, среди которых числился Раздельнянский район.

В одном из «неперспективных» сел района проживала уже немолодая супружеская пара, работающая в колхозе. Их взрослая дочь проживала отдельно от них, в Одессе.

Супруг злоупотреблял спиртным и систематически поколачивал свою несчастную жену. Такие нравы в винных селах были и есть, к несчастью, и, соответственно, добром ни для кого не кончались. Так получилось и здесь.

Женщина умерла от полученных ею травм головы, и её муж предстал перед судом за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (ст. 101 ч. 3 УК Украины 1961 г. – наказание – до 12 лет лишения свободы).

Защита непутевого мужа была поручена в порядке ст. 47 УПК Украины мне и дело слушалось выездной сессией районного суда в этом же селе. В рассмотрении дела судом принимал участие судмедэксперт. Начальная стадия процесса сложилась для защиты и подзащитного удачно. Как бы там ни было, но я сумел «выжать» из свидетелей то, что потерпевшая получила травму головы после того, как во время ссоры с подсудимым последний оттолкнул её и она ударилась головой о стену сарая.

Судебной практикой такие случаи квалифицировались и квалифицируются как неосторожное убийство, что предусматривало наказание до 5 лет лишения свободы и, главное, виновный практически всегда подпадал под амнистию. Вот здесь и надо было остановиться защите, тихонько спуская дело «на тормозах». Главное сделано. И не нужно было развивать успех. Но не тут-то было. Гордыня обуяла меня и толкнула на допрос дополнительно свидетеля, который пояснил, что после получения травмы головы потерпевшая еще два дня активно участвовала в приготовлении свадебного обеда и лихо плясала на свадьбе.

Судебно-медицинский эксперт пояснив суду, что с такими травмами головы потерпевшая не могла вести нормальный образ жизни в течение последующих трех дней со дня получения травмы головы. Таким образом, эксперт отказался от выводов судебно-медицинской экспертизы о том, что травма головы потерпевшей имела место в пределах нескольких часов до

её смерти. А тут еще подзащитный стал утверждать, что он вроде бы свою жену никогда не бил и она была для него самым любимым человеком. «Сбитый с понтельку» экспертом и подзащитным я заявил ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование. Только в последующем я понял смысл фразы председательствующей по делу (Валентины Григорьевны Дзины-Поповой, кстати, выпускницы того же Харьковского института) «Вы хорошо подумали защитник?»

Но где там уже было думать, если меня понесло как Остапа. И следователь Олейник Н. выполнял указание суда, вместе с участковым нашел свидетелей, пояснивших, что мой подзащитный бил потерпевшую по голове и в день свадьбы и до свадьбы, и, вообще, по показаниям допрошенной дочери, бил каждый день по нескольку раз и в праздники и в будни.

Комиссионная судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что медицине известны случаи, когда с травмами, подобными полученным потерпевшей люди живут и активно действуют в течение нескольких дней.

Только после этого комиссионного заключения мне стало понятно, что судебная медицина, это вторая по точности наука после Закона Божьего.

Но для моего подзащитного этот мой вывод уже не имел значение. Бедолага был осужден к 10-ти годам лишения свободы, а принесенная на приговор жалоба судом 2-ой инстанции была оставлена без удовлетворения.

Харьковские адвокаты, разбирая это дело, сочли, что формально я был прав, но не учел возможности возврата уголовного дела на дополнительное расследование и последующего ухудшения процессуального положения своего подзащитного, что можно и должно было предвидеть, поскольку очевидцами беды были сельские жители. А село в то время всегда активно давало показания в пользу подсудимого, по такого рода делам.

Кроме того, мною не было учтено, что комиссионная судебно-экспертная экспертиза проведенная в пределах одного учреждения (облбюро), как правило, исходя из т.н. «чести мундира» подтверждает первоначальное заключение этой же экспертизы.

Особое оживление вызвало обсуждение обязанности защиты избирать свою позицию в соответствии с позицией подзащитного. Споры на эту тему вечны, они идут и в наше время. Но большинство присутствующих согласилось с тем, что при избрании позиции подзащитным адвокат обязан активно участвовать в формировании позиции своего подзащитного, поскольку последний в этих вопросах «Есть дите малое...»

И я до сих пор помню слова моего более опытного харьковского коллеги: Защита – это по существу шахматная партия, в которой вы играете черными. Чаще играйте в шахматы, молодой человек» (мне уже было 40 лет).

Вот и все, что я хотел поведать Вам, коллеги, о своей первой ошибке. Учиться лучше всего на чужих ошибках. Может, эта грустная история адвокатской ошибки предотвратит совершение аналогичной ошибки кем-то из Вас. В адвокатуре необязательно наступать на грабли самостоятельно. Можно и нужно смотреть, как на грабли наступают другие и делать соответствующие выводы. Так лучше и не так больно.

Один из адвокатов.

* * * * *

Политическое руководство страны и его роль в организации и проведении репрессий.

Здесь уместно вспомнить шифрованную телеграмму Сталина, направленную 10 января 1939г. секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел и начальникам управлений НКВД: «ЦК БКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с разрешения ЦК ВКП (б). Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых

агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП (б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Ленинградское дело (1949г.)

Из заключения Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов от 5 марта 1988г. по поводу судебного процесса над Абакумовым: «Судебное разбирательство проходило до XX съезда партии, когда факты о преступлениях И.В.Сталина и его ближайшего окружения еще не были обнародованы. К тому же Маленков, один из главных вдохновителей «ленинградского дела», в то время занимал пост Председателя Совета Министров СССР. Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин и Соловьев были арестованы 13 августа 1949г. в кабинете Маленкова, а Вознесенский арестован на основании решения Пленума ЦК ВКП (б), проходившего 12-13 сентября 1949 г. Для получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы, Маленков лично руководил ходом следствия по делу и лично принимал в допросах непосредственное участие. Вопрос о физическом уничтожении указанных ленинградских руководителей фактически был предрешен до окончания судебного процесса постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 сентября 1950г.»

Дело Зиновьева и Каменева (1935г.)

Как установлено Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС Прокуратурой СССР и КГБ СССР, «Л.М. Кагановичу, замещавшему И.В. Сталина на время его отпуска неоднократно предоставлялись на согласование составленные до окончания судебного заседания председателем Военной коллегии Военного суда В.В. Ульрихом различные варианты проектов приговора по делу. После рассмотрения Л.М. Кагановичем последнего варианта приговора в него были вновь внесены поправки.»

Дело «Параллельного центра» (1937 г.)

Было составлено три варианта обвинительного заключения. Каждый из них направлялся для просмотра лично Сталину. В сопроводительном письме от 9 января 1937 года, подписанном Н.И. Ежовым и А.Я. Вышинским, сказано: «Направляем переработанный согласно Ваших указаний проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольников, Радека и других...» Окончательный проект этого процессуального документа отредактирован Сталиным собственноручно.

О роли прокуратуры в политических процессах

Дело «Метро-Виккерс» (1933г.)

Обвинение поддерживалось Прокурором республики Вышинским Андреем Януарьевичем. В зал заседаний вызывается группа технических экспертов. На основе представленных им материалов об авариях и других срывах производственного процесса, а так же проведенного исследования они дают несколько альтернативных заключений, В одном случае (замерзание воды в котле) экспертная комиссия

отметила, что «авария могла произойти либо от халатного отношения котельного персонала к оборудованию, либо от злого умысла». В другом (несвоевременная установка импортного оборудования) эксперты констатировали «наличие злого умысла или, по меньшей мере, преступной халатности». В третьем (наличие посторонних предметов в генераторе) комиссия пришла к выводу, что эти факты «не могут рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо злого умысла».

Уголовно-процессуальная теория и судебная практика выработали достаточно определенное отношение к альтернативным заключениям экспертов. Всякое сомнение истолковывается в пользу обвиняемого - это фундаментальное юридическое положение в данном случае полностью исключает умысел как форму вины. В лучшем случае речь может идти о преступной небрежности, которую эксперты определили как халатность.

Но не этот состав инкриминировался подсудимым. Им предъявлялось обвинение во вредительстве - преступлении, которое предполагает прямой умысел. Очевидное противоречие между этой формулой обвинения и альтернативным заключением комиссии экспертов опытный юрист Вышинский не мог не заметить. Нельзя было и промолчать. Ведь противоречие от этого не исчезало. Требовался неординарный юридический ход. И Вышинский его нашел. «Защита могла бы стать на почву этой альтернативы и сказать: экспертиза установила, что авария могла произойти или по причине злого умысла, или по причине халатности, но и преступная халатность так же есть не что иное, как проявление этого преступного умысла.»

Здесь прокурор республики допустил смешение многих уголовно-правовых понятий. и прежде всего умысла и неосторожности, вредительства и халатности. При такой постановке вопроса любую небрежность в работе, любое упущение по службе, если они привели к существенным отрицательным последствиям, можно было квалифицировать как прямой умысел на вредительство.

Именно так и воспримут это разъяснение Вышинского поднадзорные Прокуратуре (СССР правоохранительные органы. И новые эшелоны с «вредителями» отправятся на Колыму и Чукотку в Магадан и Воркуту. Этим еще повезло. Других расстреляли.

Процесс Зиновьева и Каменева

Из обращения обвинителя (Вышинского А.Я.) к судьям: «- Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестерых, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением».

О роли адвокатуры в политических процессах

Дело «Параллельного центра» (1936г.)

Из речи адвоката Брауде: «- Товарищи, судьи, я не буду скрывать от вас того исключительно трудного, небывало тяжелого положения, в котором находится в этом деле защитник. Ведь защитник, товарищи судьи, прежде всего - сын своей родины, он так же гражданин великого Советского Союза, и чувства великого возмущения, гнева и ужаса, которые охватывают сейчас всю нашу страну от мала до велика, чувства, которые так ярко отобразил в своей речи прокурор, эти чувства не могут быть чужды и защитникам... В настоящем деле, товарищи судьи, не может быть спора о фактах.

Товарищ прокурор был совершенно прав когда заявил, что со всех точек зрения - с точки зрения документов, собранных по делу, с точки зрения допроса вызванных в суд свидетелей и перекрестного допроса обвиняемых - мы лишены возможности оспаривать очевидность. Все факты подтверждены, и в этой части защита не имеет намерения входить в какое-либо противоречие с обвинением. Невозможно так же оспаривать оценку прокурором политических и моральных вопросов дела. Здесь так же дело настолько очевидно, политическая сцепка, сделанная прокурором, настолько ясна, что защита может целиком и полностью присоединиться к части его речи.»

Дело «Метро-Виккерс»(1933г.)

Из речи адвоката Казначеева, защищавшего группу советских специалистов: «- Товарищи судьи! Трудно усмотреть что-либо ненормальное в том, что суд судит, должен судить и карать за те тяжкие преступления, кошмарная картина которых развивалась перед вами на протяжении этих несколько дней... Однако, когда у нас в Союзе оказались привлеченными в качестве организаторов, вдохновителей и инициаторов оказались граждане той страны, где за такие преступления тоже по голове не гладят, в печати той страны поднялась бешенная кампания, кампания инсинуаций и лжи, имеющая определенную целевую установку. Цель этой кампании – дискредитировать проводившееся следствие. Цель этой кампании – дискредитировать наши судебные органы и доказать, что эти почтенные джентльмены являются жертвой советского террора. Некоторые публикации доходили до создания таких теорий, что якобы у нас специально инсценируются такие процессы».

Адвокат просил суд назначить своим подзащитным: «..очень продолжительный срок лишения свободы...».

В унисон с Казначеевым выступил и его коллега адвокат Шварц, который, обращаясь к суду, заявил, что его подзащитные - советские граждане «должны понести суровую меру социальной защиты в виде лишения свободы».

Не сомневался в виновности своих подзащитных и адвокат Либсон, который просил лишь не назначать смертную казнь.

Не будем осуждать наших коллег. В той ситуации они делали все, чтобы сохранить жизнь своим подзащитным. И в отношении некоторых это удалось.

Но в этом процессе были и другие адвокаты, осуществлявшие защиту иностранных специалистов. «- Я прошу суд оправдать подсудимого Нордволла» - прямо заявил его защитник адвокат Долматовский и привел в обоснование своей позиции убедительные аргументы: «- там где есть сомнения, советский суд не выносит обвинительный приговор» - напомнил Ульриху и его коллегам защитник английского инженера Кушни адвокат Лидов.

Процесс Промпартии (1930 г.)

Вновь адвокат Брауде. Выступление в судебных прениях. «- Вместе со всеми трудящимися защита переживает чувство возмущения, чувство глубокого внутреннего протеста от сознания того, что подсудимые подготавливали для нашей страны такие ужасы, создавали базу для кровавой интервенции. собирались залить страну кровью, сорвать пятилетку, разрушить народное хозяйство.»

Дело комкора РККА Миронова (1919 г.)

Фабула дела: Командир Миронов в прошлом старший казачий офицер, создавший 1-ю конную Армию (вопреки официальной версии о том, что последняя была роздана М.С. Буденным), возмущен политикой «рассказывания», проводимой Реввоенсоветом советом республики (основной вдохновитель Л.Д.Троцкий) и выступил с рядом возражений против действий руководства страны. Миронов самовольно отправился на фронт против войск Деникина.

Из речи государственного обвинителя - члена Реввоенсовета республики И.Смилги: «- Теперь о зверствах на Дону. Из следственного материала видно, что зверства имели место..., но так же видно и то, что главные виновники этих ужасов уже расстреляны. Не надо забывать, что все эти факты совершались в условиях Гражданской войны, когда страсти накалялись до предела.» Эту мысль государственный обвинитель попытался обосновать ссылками на исторические аналогии: «- вспомним Французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки, ужасные с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершал новый прогрессивный класс...То же самое и теперь. - Я требую для Миронова, всего командного состава, комиссаров и коммунистов, шедших с ними, расстрела. Для всех солдат комендантской сотни, так называемых «янычар». вину которых разобрать нельзя, но которые, безусловно, виноваты, требую расстрела через десять, во списку. По отношению к другим красноармейцам - расстрела через двадцать по списку...

Из защитительной речи адвоката Рыбакова: «- Революционному трибуналу угодно было поручить мне тяжелый долг защиты обвиняемого....Обвинитель прочел нам целую лекцию о мироновщине. он изложил нам взгляд господствующей коммунистической партии, все это нам не ново.... Я, как защитник людей, обращаюсь к вашим сердцам. В чем же обвиняется группа людей, защиту которых мне поручили? В дезертирстве..., но до сих пор мы знали и обвиняли людей, бегущих с фронта, теперь же обвиняем лиц, которые пошли на фронт. Кого же мы обвиняем здесь? Не селезня. как сказал обвинитель. Перед нами лев революции. С самого начала Советской России он бился в рядах защитников революции... Правда, он не совсем представляет себе политическую программу...., но лев революции разбирается в этих вопросах сердцем, он сердцем почувствовал, что партия несет то, что нужно обездоленному трудящемуся классу ...В боях он отдавался всецело, боролся за Советскую власть, когда же он оглянулся кругом то увидел, что на Советскую Россию надвигается большая беда... Беда, фактически доказанная здесь, путем свидетельских показаний, что на Дону со стороны внутреннего управления дело обстоит неладно, что там происходили большие бесчинства, от которых могли погибнуть все успехи Красной Армии. Миронов, видя все это и чувствуя, что ошибки необходимо исправить как можно скорее, пишет Ленину докладную записку, где указывает на творящиеся на Дону безобразия, но голос его слышан слабо. Ему говорят, что в «Центре» не забывают Дона, издают приказы, но ... все эти безобразия все-таки продолжают, несмотря ни на какие приказы. Верный себе, Миронов из глубины души кричит: «так нельзя дальше жить, помогите, сделайте что-нибудь для облегчения», но его верного сына Советской России, гонят с фронта. Его сердце - сердце старого бойца не могло быть спокойно, пока он видел, что положение на

фронте опасно, что корпус его задерживается в тылу. он пошел на фронт больной, непонятный.., он пошел на фронт сражаться ...Какую же можно приписать Миронову борьбу с Советской властью, когда с самого возникновения Советской власти он защищает ее и борется за нее? Достаточно только прочитать его печатные произведения и можно убедиться, что он все время говорит: «любовно надо подходить к проведению Советской власти на местах, нужно подходить постепенно, не надо излишеств, крайностей и безобразий, и Дон, воспитанный самодержавием Дон, поймет Советскую власть»

Нужно признать, продолжал между тем защитительную роль адвокат Рыбаков. - что движение, руководимое Мироновым, вызвано действительно исторической обстановкой на Дону, действительно тяжелыми событиями и безобразиями, творимыми на Дону. Из истории мы знаем, что лучшие сердца не могли молчать, видя вопиющую несправедливость в своей стране. Мы знаем, как наш великий мыслитель Толстой закричал: «Я не в силах больше молчать!», так и Миронов. будучи не в состоянии равнодушно смотреть на безобразия, чинимые на Дону, закричал от всего сердца и его услышали... Миронов закричал, крик его побудил к извлечению одной язв Советской России. Мы знаем что за последнее время политика Советской власти изменилась по отношению к казачеству. В этом его заслуга, и за эту заслугу его можно помиловать. И я, как защитник людей, прошу вашего великого снисхождения, прошу вас сердцем взвесить все обстоятельства этого процесса. вдуматься и тогда уже вынести свое решение.»

Отдадим должное тем нашим коллегам, которые сохраняли свою профессиональную честь и адвокатское достоинство и в те страшные времена.